

Константин КИНЧЕВ:

СТОЮ НА ОБОЧИНЕ И НЕ ДЕРЗАЮ...

Медиа, - 1997. - № 10. - С. 20-21

Фото Александра БАСАЛАЕВА

Совсем недавно в «Горбушке» прошли сольники «Алисы». Группа снова предстала в полном составе. Место погибшего три года назад Чумычкина занял Пономарев. Действо не претерпело изменений, ажиотаж и реакция публики остались теми же — неистовая энергия фанов в зале и их же звериная агрессия на улице. Кинчев на сцене не казался старше, чем был лет семь—восемь назад. Но это на сцене...

Уже на странной, послеконцертной пресс-конференции, где тон задавала его супруга Саша, он выглядел спокойным до безразличия ко всему происходящему и претенциозно односложным в ответах. Возможно, журналисты были не те или просто устал, но диалога с доктором Буги тогда не получилось. Спустя некоторое время я увиделся с Костей в студии, где «Алиса» сводит сейчас свой новый альбом «Дурень», и отчего-то был уверен — проблем не возникнет, как, вроде бы, не возникало их во время наших предыдущих встреч. Но беседа получилась обоюдно недоверительной, хотя и обо всем. Кинчеву хотелось говорить о православии и храме, мне — на светские мирские темы. Разговор перескакивал с поверхностных, духовно-религиозных мотивов на профессионально-семейные и снова распадался на вереницу спорных реплик. Вам предлагается ознакомиться с его наиболее конкретными, законченными фрагментами.

— Как тебе понравились ваши концерты в «Горбушке»?

— Это надо публику спрашивать. На мой взгляд звучали мы нормально. Играем сейчас много, поэтому все довольно крепко и слаженно получается.

— К тому же с новым гитаристом...

— Панама (Пономарев. — М. М.) — хороший магаданский парень из «Восточного синдрома». После немного поиграл с Ревякиным. А потом случилось так, что я расстался со своими техниками и мне в тур понадобился специалист по настройке гитар. Я предложил это место Панаме, к которому присматривался с лета. Он к тому же муж нашего пресс-атташе Саши Селищевой. В туре посмотрел, как он работает — на совесть, а как гитарист сомнений у меня не вызывал никогда. Так все и завязалось. Хотя в «Алисе» введение в команду нового человека — процесс длительный. В «Горбушке» у Панама был бенефис. Мы и программу назвали поэтому «Алиса-97», как бы подчеркнув появление нового человека. Этот год ознаменовался тем, что мы перестали играть «кэспэ» и начали вновь исполнять музыку серьезно. Я ведь не гитарист, а приходилось мне играть ритм, Шатлу (Андрей Шаталин. — М. М.) — соло. Теперь солировать станет Панама, а Шатл будет таким риффовым гитаристом.

— Когда-то давно ты сказал мне, что Чумычкина пока не заменит никто, ибо так просто подобные вещи не происходят. Теперь вас снова пятеро, а на последней пресс-конференции ты заявил, что вы отдали ему свою дань. Это о чем?

— Мы сделали трехлетнюю паузу и работали вчетвером. Я посчитал, что этим мы выполнили перед Игоряном все, что должны были выполнить. Я включаю сюда весь период с альбома «Черная метка», который, если уж говорить по-честному, записывался именно в том состоянии, из которого Игорян не сумел выйти. И в таком же состоянии прошел весь тур после его гибели. Потом я слез с наркотиков.

— Такой период был у всей группы или только у вас двоих?

— Только у нас.

— Но тебе удалось избежать трагических последствий.

— Ну, это специфика человеческой психики.

— А совсем недавно умер Толя Крупнов (лидер группы «Черный обелиск», участник «Неприкасаемых». — М. М.).

— Печально. Я Толяна до последнего убеждал, что алкоголь гораздо лучше. Он как-то очень быстро пришел к наркотикам и быстро с их «помощью» ушел... Последнее время мы жили с ним рядом, и каждый раз при встрече я подсаживал его «на пробочку». То есть возвращал к «бухлу», к проверенному, нормальному состоянию. Я не говорю, что бухать — хорошо, но это меньшее из зол.

— И сколько ты сейчас выпиваешь?

— Сейчас вообще не пью — пост.

— Ты соблюдаешь пост полностью?

— Курю вот только.

— А в остальном выдержишь?

— Это уже по силам. По еде выдерживаю, по «киру», сексу — не получается.

— Не выдержишь «по сексу», это ты о жене говоришь?

— Конечно, в это время и с женой не нужно иметь таких отношений. А так-то я давно живу моногамно, с 89-го года.

— А какие отношения у тебя сейчас с первой женой?

— Приятельские. Она в Питере живет.

— Некоторые журналисты до сих пор вспоминают, мягко говоря, эмоциональное поведение Саши (вторая жена Кинчева. — М. М.) на твоей пресс-конференции в «Горбушке».

— У нее был день рождения, выпивши гражданка была (улыбается).

— На следующий день вы обсуждали эту ситуацию?

— А я не видел там ничего из ряда вон выходящего. По мне, это абсолютно нормальное поведение моей жены. Я воспринимаю ее такой, какая она есть. Кроткой и дипломатичной Саша не была никогда.

(С этого момента Костя взял более высокую ноту, ту, что ныне наиболее созвучна его внутреннему состоянию, и стал изъясняться таким слогом, что речь его лучше разбить на цитаты. Посему ряд своих вопросов, в целях экономии газетной площади, я оставляю «за кадром».)

— Я считаю, что «Дурень» самый зрелый и сильный альбом со времен «Шабаша» — по глубине, по тому, что я в него вкладываю. Эта попытка покаяния.

У музыкантов профессия публичная, и живем мы в миру. Так что все во грехе. Главный грех — гордыня, эгоцентризм.

— Но у поэтов подобные черты, по-моему, никуда не исчезнут да и вряд ли должны исчезать?

— Так для того и существуют таинство исповеди, покаяние и причастие Святых Тайн. Другое дело, что мало кто к этому идет. Потому что врата ада широки, доступны и еще зазывал полно на каждом углу.

— Что-то ты эпическим языком заговорил...

— А каким же еще говорить об этом? Циничные ухмылки, ернические интонации здесь не

Фото Александра Басалаева

к месту. Это в светских трепах все охаивается с таким еврейским юмором. Мне это неинтересно, поэтому я избегаю подобных общений. Только употребив на грудь грамм 200—300, могу светски потрепаться. И то стараюсь говорить о том, что близко моему сердцу.

— **Мне кажется, если в таком состоянии ты станешь о чем-то спорить, все превратится в скандал, ты сорвешься.**

— Да Боже упаси! Ничего в скандал не превратится. Я когда пьяный — очень добрый. Это нормальная русская черта.

— **Если «Дурня» ты называешь «попыткой покаяния», то чем же были предыдущие альбомы — накоплением грехов?**

— Нет. Я не пишу на потребу и в каждом альбоме присутствует попытка исповеди перед теми, кто будет их слушать, перед такими же, как я, людьми, созданными по образу и подобию. Просто раньше все происходило более стихийно, а в «Дурне» — осмысленно.

— **Недавно Ревякин сказал мне, что ранний Кинчев был фашистом, но «его беда в том, что сам он этого не понял и поэтому позднее потерялся».**

— Это не беда, а как раз мое достоинство. От стихийного, языческого шаманизма я пришел к истинной, непоколебимой, сильной, непорочной вере. Я прошел тот же путь, что прошла ранее моя Родина, моя Россия. Я, как говорят мне наставники, стою на обочине и не дерзаю идти прямым путем, поскольку я человек публичный. Но стою я на обочине правильной дороги и с нее меня никто не свернет. Беда Ревякина в том, что он абсолютно запутанный человек. Запутанный своим сознанием и очень ведущийся на мнения других людей, а это зачастую беды. Тем более, что он не крещен. Без опоры, без силы духа невозможно обрести истину. Для этого нужно много работать и смирать свою гордыню. А у Ревякина сейчас принцип: я — Бог, что, в общем-то, конечно, присутствовало в раннем Кинчеве.

— **Он при этом произнес свое определение фашизма, ты можешь сделать то же самое?**

— Вот принцип «я — Бог!» и есть фашизм. Остальные боги умерли... У Ницше все написано. Ярчайший апологет фашизма, при этом, с литературной точки зрения, штрих очень талантливый. Тем и опасен. Яркостью слова он уводил в такие дебри... Проповедник антихристианства, сатанизм чистой воды.

— **Значит, Ревякин ошибается, выслуши-**

вая чужие мнения, но сам ты при этом подчеркиваешь, что следуешь словам своих наставников. Тогда кто они?

— Духовные отцы церкви, куда я хожу и причащаюсь.

— **А мирских наставников у тебя нет?**

— Да Боже упаси! Это блудники и запутчики.

— **Кто же наставляет тебя в церкви?**

— Отец Александр, питерский диакон в храме на Конюшенной, где отпевали Пушкина.

— **А вот Цветаева как-то написала в письме Рильке, что священник это преграда между ней и Господом.**

— Ну, Цветаева как кончила-то? Это гордыня. Она замечательная поэтесса, но запутанный на земле человек. Церковь — это могучее воинство, белая рать. Я — рядовой боец этого воинства, стоящий на обочине и не дерзающий идти по правильной дороге, абсолютно четко понимаю, что для меня существует устав. Устав — это Символ веры, который читает каждый вновь посвященный при таинстве крещения. Этот устав непоколебим. И законы Церкви не мне обсуждать. Их надо пытаться исполнять, по мере своих сил. Вот моя задача. На большее я не дерзаю.

Чем отличаемся мы, православные, от католиков, тем более от протестантов? Тем, что мы — рабы Божьи, католики — слуги, а протестанты — чуть ли не братья.

— **Ты где такое вычитал? Или сам решил?**

— Жизнь так расставляет. А литературу светскую я не читаю.

— **Что ты называешь светской литературой? Все, что не канонизировано церковью — не далее этого?**

— Не далее. Потому что все остальное — запутка. Мне это неинтересно. Не хочу затуманивать свое сознание. Я прошел через всю эту бердяевщину и прочее.

— **Ты так не уверен в себе?**

— Не уверен в себе? Как я могу быть уверенным в себе без Бога? Если так произойдет, значит надо мной довлеет дьявол, говорящий: «Ты сам во всем разберешься». Из светской литературы я сейчас читаю, пожалуй, только «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и Пушкина.

— **А газеты?**

— Не выпиываю и не покупаю.

— **Кстати, в церкви ты Панфилов или Кинчев?**

— В церкви я — Константин, там фамилии не спрашивают.

— **Я о другом, для себя ты кто?**

— Для себя — Кинчев. Панфилов я — только по паспорту. Да и все родственники меня знают Кинчевым. Дед Панфилов давно умер. Деда Кинчева я, правда, в глаза не видел, но бабушка жива и знает меня именно как Кинчева. В честь этого деда меня Константином и называли. Он умер 25 декабря в Магадане, а я родился в этот же день спустя 20 лет.

— **Ты боишься смерти?**

— Я начинаю бояться смерти, как только отхожу от храма. После причастия я не боюсь ее абсолютно. Причащался я в прошлое воскресенье.

— **Случались в твоей жизни пограничные ситуации, когда она была довольно близка?**

— Бывали. Это сопряжено с наркотиками. Тогда было страшно.

— **Ты подсел на наркотики от ребячества, потому что было интересно — или причина глубже?**

— Сейчас вышел фильм «На игле». Там все очень по-честному показано. Мне он близок, поскольку в герое я узнаю себя того периода. Я укололся первый раз в 76-м году, закончив школу. Потом случались времена отхода и возврата к наркотикам. А дальше начались смерти...

Когда начинаешь торчать на наркотиках, дьявол полновластно овладевает тобой. Он шепчет тебе: «Ты самый крутой! Все вокруг козлы, они не понимают тебя. Но ты-то — талантище, гений! Давай, вмажься, и все будет ништяк!». Эгоцентризм чудовищный. Как меня жена терпела несколько лет в этом состоянии?

— **Саша тоже религиозный человек?**

— Конечно. Она крещеная, причащается, ходит в храм.

— **Что ты делаешь как глава семьи?**

— Определяю семейную стратегию.

— **Это как?**

— Приобщаю детей к закону, т.е. не посещение храма, а жизнь в храме. Старшая, Маша, ей сейчас 10 лет, поет в церковном хоре. Младшей, Ире, только пять, и регент говорит, что пока она мала. Но с 7 лет тоже будет петь. А Женю, ему 9, я режу вичу. Он ведь в Питере живет. Но когда мы встречаемся, то вместе ходим причащаться.

— **А в магазины ты ходишь?**

— Нет. Жена ходит.

— **Что же ты делаешь дома в свободное время?**

— Читаю книги. Работаю на компьютере, набираю собственные тексты. Слушаю музыку, светскую (улыбается), английскую. Вот у Сьюзан Вега хороший последний альбом. Из нашего рока слушаю «Милитари джейн», «Сплин», техноверсии Рикоты мне очень нравятся. Мы, кстати, хотим сделать с ним что-то в стиле хип-хоп. Правда, я в этом ничего не понимаю, поэтому только спою, остальным займется он. Песни уже отобраны: «Доктор Франкенштейн», «Соковыжиматель», «Экспериментатор» и т.п.

— **А митковские экзерсисы ты слушаешь?**

— Нет. Они мне не нравятся. Активно не нравятся это ерничание и цинизм.

— **А «Странные скачки» (сборник песен Высоцкого в исполнении наших ведущих рокеров. — М. М.)?**

— Тоже не нравятся. Мне понравилось, как Бугусов спел «Эх раз, еще раз!». И как сыграл Галанин. Он пошел моим путем, и получилось мило. А больше мне там ничего не нравится.

— **Когда-то мы уже говорили с тобой о книге Нины Барановской «Константин Кинчев». Твой взгляд на это произведение не изменился?**

— Да нет. Я читал ее один раз, когда она вышла. Это некий панегирик. Три года моей жизни опозитированы замечательной женщиной.

— **Сколько там правды?**

— По фактам — все правда. Другое дело — контекст. Там взгляд любившей и, надеюсь, любящей меня женщины. Но я относился к тем событиям иначе.

— **Ты был недоволен фильмом «Взломщик», где сыграл главную роль, но даже озвучивал ее уже другой человек. Может, тебе попробовать себя в кино еще раз?**

— Я не киноактер и вообще не актер. Не хочу занимать чужое место.

— **А Шевчук — киноактер?**

— И Шевчук не киноактер.

— **А Сукачев?**

— Сукачев — это отдельный человек. У него, во всяком случае, есть актерское дарование. Антигероя он показывает здорово, характерно, типажно.

— **Как-то тележурналист Любимов намеревался пригласить тебя с Женей Белоусовым в свое ток-шоу «Один на один». Дискуссия не состоялась. Услышанная мной версия звучала так: «Кинчев сказал, что с Белоусовым ему говорить не о чем, пусть хотя бы Газманова позовут».**

— Кобзон. И то я говорил в юмористической форме. Мне и с Кобзоном не о чем говорить. Мне, вообще, не ясен смысл моего участия в

этой передаче. Так что вряд ли меня увидят в ней в ближайшее время.

— **А если бы тебе ответили, что будет Кобзон?**

— А мне так и сказали. Но я уехал в тур.

— **Ты пересекался когда-нибудь с Кобзоном?**

— Нет. У меня пока, тьфу-тьфу, все нормально. С ним, я так понимаю, нужно пересекаться в экстремальных ситуациях, когда тебе нужно кладбище или еще что-нибудь... (улыбается).

— **А если предположить, что вы встретились и он бы сказал: «Константин, вот вы спели такую фразу в одной из песен...». Что бы ты ответил?**

— Да пропел.

— **А он бы назвал тебя негодяем...**

— Он так бы не сказал. Потому что, если бы он прочитал эту фразу, то ничего бы оскорбительного для себя не нашёл.

— **Потому что он вряд ли знает, кто такой Сид Вишес, и в любом случае вряд ли хотел бы на него походить?**

— Нет, просто фраза же как звучит — «каждый в душе Сид Вишес, а на деле Иосиф Кобзон». А дело Иосифа Кобзона живет и побеждает. Всем бы на деле быть такими, как Кобзон, чтобы ездить в полугодовые туры и возить за собой по 300 человек. Это супер!

(Сам Кинчев пока продолжает перемещаться по городу на двенадцатилетней «пятерке». Он неплохо заработал, продав альбом «Джаз», и еще не знает, кому уступит «Дурня». Дабы сохранить независимость в коммерческих вопросах, студийное время оплачивает из собственного кармана.

Сейчас он не пишет песен. Песни пишутся «в основном в турах, когда проезжаешь на автобусе из города в город, когда ощущаешь движение, лес, дорогу». На гастролях Костя не пьет. «Пить нужно дома. Правда, два последних визита в Питер у меня получились веселыми. Приезжал репетировать, а вместо этого по пять дней мотался, пил в разных концах города». С удовольствием общается с Шевчуком. О чем?)

— О вере. Шевчук — православный человек.

— **А о чем ты разговариваешь с неправославными?**

— Знаешь, я сейчас подумал и понял, что с неправославными людьми не общаюсь.

— **Но это религиозный фанатизм?**

— Называй это как угодно, милый друг, но я говорю как на духу — с неправославными не общаюсь.

(Недавно Кинчев второй раз побывал в Иерусалиме. К стене Плача не пошел, ибо ходил «только христианскими дорогами». Константин считает, что «нужно радоваться жизни, получать от нее удовольствие и понимать, что она — бесценный подарок». Но к внешним переменам, происходящим в ней, лидер «Алисы» относится иначе: «О-о! Это как у Цоя: «Мне не нравилось то, что здесь было, и мне не нравится то, что здесь есть». Это же сатанинское логово — земля. Это — ад. Как он может нравиться в социальной сфере? Жизнь на земле — подарок, но вне социума»).

— **Так почему бы тебе не сделаться схимником, затворником?**

— О! Это подвиг великий! Я по слабости своей не могу это сделать.

— **А в деревню уехать?**

— Летом уезжаю постоянно. Хожу за грибами, рыбу ловлю. Там я отстраняюсь от активного социума. Жду не дожусь, когда потеплее станет. Озеро, лес, река — главное, что есть на Земле. У меня деревня между Новгородской, Псковской и Питерской областями.

Кинчев не согласился с моим утверждением, что он избрал себе очень компромиссную позицию: ничуть не изменять своим желаниям и жить по сути так же, как и 10 лет назад, но при этом постоянно каяться перед Господом в собственной слабости. И сказал, что меняет многое, например убирает из своего репертуара такие песни, как «Новая кровь», которые ныне кажутся ему недопустимыми.

Летом он повезет Александру на юг, хотя сам такую форму отдыха не приветствует, но «жена уже три года не была на море». А пока Костя, не кокетничая, спокойно назначает встречи у арбатского «Макдоналдса», ибо, по его словам: «Слава — понятие эфемерное, а известность... Я к ней привык. Это часть того образа жизни, который я выбрал давным-давно. До меня Кинчева не было и после меня не будет. В этом смысле желания и страсть удовлетворены полностью. Для меня это более не играет никакой роли. Проживу я еще 20 лет или завтра умру, я останусь тем же Кинчевым».

Михаил МАРГОЛИС

P. S. И еще Костя сказал, что «рок-н-ролл — лужавая музыка и это не работа, а прикол...»